

**Вирусы и цивилизации.
О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию
социокультурных моделей и цивилизационных проектов**

© 2020 г. А.В. Рубцов

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

*E-mail: roubcov@inbox.ru
<https://iphras.ru/roubtsov.htm>*

Поступила 22.05.2020

В статье рассматривается ситуация, связанная с пандемией коронавируса в России и в мире в целом, и ее возможные последствия для экономики, политики, социокультурных процессов. Автор анализирует публикации, появившиеся в самое последнее время и сосредоточенные на вопросах о том, что ожидает мир после окончания пандемии. В обзорах темы «Мир после пандемии» выявлены дефекты оптики, типичные для технократического позитивизма. Редукция уровней психоистории и психоидеологии приводит к недооценке масштабов бедствия и разрывам коммуникации между регулятором и населением. «Исторический размер» событий такого рода задают великие эпидемии чумы в их влиянии на выход из Средневековья в цивилизацию Нового времени. Подобную сопоставимость подтверждает обращение к образам пустоты в искусстве и философии. Символика «жизни на паузе» говорит о масштабе и возможной необратимости изменений как минимум в локальных цивилизациях. Так, коронакризис подрывает основы ресурсного социума и «цивилизации нефти» – базиса российского политического этнонарциссима. Формируется замкнутый контур с положительной обратной связью, раскачка которого чревата обвальными изменениями и рисками с неприемлемым ущербом. Жесткие столкновения с реальностью наносят удар по режимам симуляции, политического постмодернизма в целом. Представления о «политической эсхатологии» и множественности трактовки понятия цивилизации позволяют обсуждать перспективы трансформации цивилизационного проекта в России.

Ключевые слова: пандемия, коронакризис, биокатаклизмы, «черная смерть», цивилизационные проекты, социокультурные модели, этнонарциссизм, «цивилизация нефти», психоистория, психоидеология, политическая эсхатология, выход из постмодерна.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–20–31

Цитирование: *Рубцов А.В.* Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 20–31.

Viruses and Civilizations. The New Impact of Biocataclysms on the Evolution of Sociocultural Models and Civilization Projects

© 2020 Alexander V. Rubtsov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

*E-mail: roubcov@inbox.ru
<https://iphras.ru/roubtsov.htm>*

Received 22.05.2020

The article considers the situation associated with the coronavirus pandemic in Russia and in the world as a whole and its possible consequences for the economy, politics, and sociocultural processes. The author analyzes the publications that have appeared recently and focused on questions about what the world expects after the end of the pandemic. In the reviews of the topic “The World after the Pandemic” some optical defects typical of technocratic positivism were revealed. The reduction of levels of psychohistory and psychoideology leads to an underestimation of the scale of the disaster and the breakdown of communication between the regulator and the population. The “historical size” of events of this kind is set by the great plague epidemics in their influence on the way out of the Middle Ages into the Modern civilization. Such comparability confirms the appeal to images of emptiness in art and philosophy. The symbolism of “life on pause” speaks about the scale and possible irreversibility of changes, at least in local civilizations. Thus, the coronacrisis undermines the foundations of the resource society and the “civilization of oil” – the basis of the Russian political ethnonarcissism. A closed circuit with positive feedback is formed, its swing is fraught with landslide changes and risks with unacceptable damage. Tough clashes with reality strike at the regimes of simulation, political postmodernism in general. Ideas about “political eschatology” and plurality of interpretations of the concept of civilization allow us to discuss the prospects of transformation of the civilizational project in Russia.

Keywords: pandemic, coronacrisis, biocataclysms, “black death”, civilizational projects, sociocultural models, ethnonarcissism, “civilization of oil”, psychohistory, psychoideology, political eschatology, the way out of postmodernism.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–20–31

Citation: Rubtsov, Alexander V. (2020) “Viruses and Civilizations. The New Impact of Biocataclysms on the Evolution of Sociocultural Models and Civilization Projects”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2020), pp. 20–31.

Атака SARS-CoV-2 стала вызовом не только для экономики, политики и систем здравоохранения, но и для интеллектуальной среды в целом. Ответ сразу был сосредоточен на прогностике и футурологии. Уже с начала кризиса уважающие себя экспертные ресурсы в промышленных масштабах публиковали, казалось бы, преждевременные подборки на тему «Мир после пандемии». И сейчас на подобные запросы Сеть выкладывает URL-адреса целыми страницами.

Увлеченность завтрашним днем часто выглядит так, будто сегодняшние проблемы уже не так остры. Однако бегство в эффектный, если не фантастический проект более похоже на игру в почетную капитуляцию мозгов перед вирусом. Это может быть

результативно в качестве коллективной психотерапии, но не только. Виртуальные десанты, будто побывавшие в «мире после...», вскрывают особенную оптику формирования самих этих образов – ее дефекты и аберрации зрения.

«Политическая офтальмология»: как мы это видим

За редкими исключениями дискурс такого рода имеет склонность к технократическому позитивизму, характерному для первичных эмпирических обобщений или, в лучшем случае, теорий среднего уровня. Если опустить философическую заумь и вторичные спекуляции на именах от Бруно Латура до Жака Лакана, корпус идей здесь ограничивается в целом понятными соображениями на уровне здравого смысла и почти обыденного (хотя и информированного) сознания. В области экономики, социологии, политологии и институциональной теории даже взаимоисключающие взгляды объединены «технорассудком» как главным инструментом оперативного планирования.

Для нас это более общая проблема, почти политическая. Известно, что идеально организованной системной мыследеятельности свойственно: а) отвечать точно на поставленный вопрос, б) сообщая и так известное. Отсюда одна из причин популярности методологии: читатель любит узнавать «про неизведанное», но так, чтобы авторитетные откровения совпадали с нарциссическим «Я и сам так думал!». Это приподнимает.

Поэтому неслучайно и сама работа в зоне прямой видимости исчерпывается манипулятивными технологиями и социальной машинерией. Но при этом от конвейерного производства сознания ускользают более тонкие материи, такие как «проникающая» идеология и латентная критика ценностей, явные и скрытые этические запреты, бессознательные комплексы, мотивы и аффекты. Реакция культуры и гуманитарные составляющие, субъективность и переживание, ментальные инерции, психопатология лидеров, масс и институций, целых режимов и этносов – все это выносится за скобки по умолчанию. Перед иррациональным обыденное радио бессильно, поэтому и объект понимания здравого смысла должен вести себя дисциплинированно и здраво. В результате инстанции и лица, принимающие решения, уподобляются роботам, отличающимся лишь качеством расчетов в этой почти математической игре. Полное соответствие редукции, которую Ллойд Демоз преодолевал, вводя идею психоистории [Демоз 2000].

Факторы психоидеологии также могут быть решающими в выборе траекторий при прочих равных [Рубцов 2019; Рубцов 2020]. Если этого не учитывать, попытки прямолинейного внушения сплошь и рядом сталкиваются с тем, что «входные отверстия» у объекта манипуляции расположены в совсем другом месте. Тем не менее даже достойные агрегаторы экспертных мнений (например, [Коронакризис 2020; Коронавирус 2020]), фиксируют в основном стандартный набор тем: уход в онлайн и цифру, бесконтактность как тренд, свертывание перемещений, новая удаленность, «великая пауза» и противодействие коронакризису; риски новой «теневициации», проблемы рынка труда, помощь государства и «посткризисный консенсус»... Всей этой конкретике чаще всего не хватает понимания собственной жизни и ответных реакций больших культурных и цивилизационных комплексов. Как корректно говорить о погоде в ситуации быстрого изменения климата?

Техническая редукция лишь повторяет логику администрирования. Технократия видит в будущем пространство манипуляции еще живым, но уже как бы неодушевленным, а потому то и дело возмущается якобы неожиданными возмущениями. В «странных» и «неадекватных» (проще говоря, нежелательных) реакциях населения регулятор видит дефицит разумной ответственности наставляемой массы, а не собственные провалы в коммуникации. Тем более власть не видит в этом собственной неспособности к диалогу, неготовности признать в другом право на волю и субъектность, пусть и «ошибочную». Коммуникация «телевизионного» (и в особенности «воздушно-проникающего») типа, остается исключительно односторонней и однонаправленной: мы вам все правильно сказали, вы не все правильно поняли и не все услышали, что-то

вовсе пропустили... а значит, сами виноваты. Все это затягивает административные структуры и целые правительства в воронку технической, а затем и политической непредсказуемости. Результат – невольные взаимные провокации, будто специально приглашающие целые категории населения вести себя «неадекватно» (например, выдвигаться из самоизоляции именно в ответ на ограничительные меры). Пресс-службы перекалывают ответственность на население, хотя понятно, что другого народа для них у страны нет.

Адекватное управление обязано предвидеть и заранее отработать любую возможную «неадекватность» в реакции массы. Всякое «не услышали» и «не поняли» остается виной говорящего, особенно когда он, номинально обращаясь к аудитории, будто перед зеркалом общается с самим собой.

Схожие проблемы порождает неизбежная в таких случаях генерализация фактуры и выводов: она может быть либо упрощенной, игнорирующей важные различия, либо, наоборот, слабой для катаклизма такого уровня.

Начальная стадия освоения любой проблемы часто похожа на заготовку пазлов для последующей сборки. Это называется интердисциплинарный изоляционизм. Что будет с глобализмом и глобалистикой; какие сферы бизнеса выйдут на первый план или отомрут; как изменится труд и его нестандартные формы; насколько политике удастся законсервировать в собственных интересах дисциплинарные техники самоизоляции и социальной дистанции; насколько и как укоренятся практики удаленной работы, связи, образования?.. Без общей концептуальной прошивки все это мало что может сказать о модификации социокультурных моделей и цивилизационных проектов. Для этого необходимо понимание даже не просто суммы, а именно сверхсуммативных эффектов – ответной реакции целостности.

Оборотная сторона подобной фрагментации – обобщения, стирающие важные различия. В медицине крайне важна так называемая дифференциальная диагностика (например, грипп не только как общее имя инфекции определенного типа, но и как множество подвидов: испанский, гонконгский, желудочный, птичий, свиной...). Сейчас даже в популярных комментариях постоянно подчеркивают, что и заражение коронавирусом по-разному протекает в зависимости от наличия и силы сопутствующих хронических заболеваний (онкология, пульмонология, кардиология, урология и т.п., включая банальное ожирение). Однако в условиях не просто пандемии, но именно общего, системного кризиса дифференциальная диагностика помимо собственно медицинских приложений приобретает решающее значение также в том, что касается «состояния здоровья» различных социально-экономических и общественно-политических организмов. То, что одну этиологию усиливает новым иммунитетом (поскольку «не убивает»), для другой оказывается летальным. Таково, например, глобальное сокращение энергопотребления: снижение зависимости от углеводородных энергоносителей для немца хорошо, а для русского смерть.

В этой системе представлений само понятие «мир после пандемии» оказывается слишком сильным обобщением – и для описания текущей реальности, и как концепт. Вирусы пандемии и побочных результатов борьбы с ней будут вести себя очень по-разному в зависимости от того, на каких «культурных средах» они высеваются. Экономисты, социологи и политологи, выступающие из России и о России, сплошь и рядом не учитывают этой иллюзорности присутствия единого языка описания. Сами понятия политики, социальности или экономики могут приобретать существенно разный смысл, реализуясь на отечественной или, например, на западной почве. Понятия «государство» и «государственность» отражают принципиально нетождественные политические реальности в РФ, США, Китае, Венесуэле или Вануату. Здесь мы в полный рост сталкиваемся с парадоксами полисемии и расширенных семантических полей, когда одни и те же имена в разных контекстах имеют совершенно разные денотаты и референты – вплоть до фундаментальных различий цивилизационного характера.

В этом смысле известная максима Талейрана: «Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли» чревата ловушками и самообманом, когда субъект бессознательно

скрывает собственные мысли от самого себя. Так, коронакризис пока явно усиливает ставку на сильное государство, однако попытки механически опрокинуть на российскую действительность новейшие коллизии либерализма и этатизма наталкиваются на прямо противоположное наполнение этих тенденций в России и «либеральном» мире. Чем-то это напоминает «физический смысл» математической формулы, которого может и вовсе не быть.

В качестве образцов нового эффективного этатизма обычно приводят здравоохранение и фармацевтическую промышленность – отрасли, будто специально привязанные к коронакризису. Но тут же выясняется, что в российской реальности именно учиненная государством «оптимизация» сферы здравоохранения привела к тому, что система оказалась не готова не только к форс-мажорным испытаниям, но и к выполнению своих регулярных функций. Переход от минимальной самоорганизации к тотальному внешнему администрированию прямо связан с издержками бюрократизации и ростом злоупотреблений. Примерно то же произошло в промышленной фармацевтике: для многих пациентов форсированное импортозамещение лекарственных средств обернулось летальным исходом, не говоря о статистике обострений. Одна только эта тема дает прямой выход на фундаментальные различия в самой типологии государственности (например, *stato* против административно-полицейской машины, «стационарно-го бандита» или давлы и асабий в духе Ибн Хальдуна).

То же происходит с механической инсталляцией библиометрии в практику управления производством «мозгов» и знания. Только в этом году и при новом министре академическому сообществу удалось договориться с регулятором о необходимости дифференциальной диагностики, которая учитывала бы принципиально разную включенность естественных и социогуманитарных наук в мировой рынок публикаций (что неизбежно влечет за собой разные «расценки» баз данных, квартилей, статей и монографий). Часто это проблема различий не только в типологии знания, но и в самой издательской политике: во многих жизненно важных для России общественных и гуманитарных направлениях практически исключены публикации в зарубежных журналах с высшими фракциями в основных базах данных. Тем не менее здесь еще осталось много нерешенных проблем. Такого рода заимствования, пренебрегающие методологической гигиеной, заносят на нашу почву вирусы, с которыми сами их источники уже успели справиться. Мы продолжаем гнаться за несуществующим библиометрическим Западом, хотя от гонки в форме статистического массива отказался уже и Китай, причем радикально.

Проблемы с дифференциальной диагностикой мешают и правильным обобщениям. Отсутствие необходимых различий приводит к тому, что генерализации подвергается не то, что нужно, а то, что бросается в глаза как якобы лишнее различий. Такие обобщения, не требующие особых мыслительных усилий, исключают из поля зрения вышеупомянутую сверхсуммативность, когда на фоне собственной логики развития биокатаклизма взаимосвязанные изменения в политике, экономике, технологиях и институтах вступают в контакт с движениями в сфере идеологии и культуры, сознания и коллективного бессознательного, запуская процессы обвального характера. Забегая вперед, это легко показать и на фактуре коронакризиса. Свертывание производств и перемещений не просто снижает цены на энергоносители, но подрывает ресурсную базу пародийной идеократии, политического постмодернизма и застарелого российского этнонарциссима. В итоге мы обнаруживаем мощное, почти эсхатологическое влияние биокатаклизма на культуры сырьевого экспорта, на судьбу «нефтедобывающей цивилизации» и ресурсного социума в целом. Или не обнаруживаем.

Как видно из предварительной экспозиции, ускользание целого в такой фрагментарности ведет к резкому снижению понимания масштаба возникшей проблемы – ее «исторического габарита», самого уровня претензий. Многим по-прежнему кажется, что вся эта драма началась в конце 2019 г. событиями в Ухане и закончится в следующем году усилиями сильно просвещенной, организованной и энергичной биовласти. О возможностях ревизии культурных стереотипов и цивилизационных проектов речь

на этом уровне не идет, хотя одна только история влияния «черной смерти» на транзит из Средневековья в цивилизацию Нового времени уже намекает на шансы более масштабных изменений.

«Чума XXI века».

Масштабы бедствия и исторический размер события

Значимые события помимо обычной хронологии начала и конца вписываются также в собственное историческое поле – в объемлющую длительность предыстории и последствия. Так, в постмодерне можно видеть реакцию на авангард и Высокий модерн прошлого века, но также и ответ на весь проект Нового времени, включая Ренессанс, Просвещение и далее по списку. Или даже более того: отрицание субъект-объектного бинаризма возвращает как минимум к началам античной философии. В этой ревизии и ретроспекции постмодерн может далеко заходить «назад за Модерн» и в самом широком его прочтении.

Сильной концептуализации часто помогают исторические аналогии. Нынешнюю пандемию не называют «чумой XXI века» разве что из суеверия. Тем не менее в качестве хотя бы примерных аллюзий явно напрашиваются главные биокатаклизмы прошлого – чума эпохи Юстиниана, «черная смерть» Средних веков, «в тени которой росла, а подчас лишь еле теплилась человеческая цивилизация» [Даниэл web]. Это не означает прямых аналогий, а тем более отождествления, однако и не запрещает детальных сравнений. В таких случаях даже чисто количественные различия могут покрываться изменением качества бедствия и другой энергетикой оценок (например, смертность меньше, но мы иначе на нее реагируем).

Однако подобные параллели могут подпадать под бессознательный запрет и чаще всего исключаются инстинктивно – даже когда речь могла бы идти о так называемой легочной чуме, по всему близкой к COVID-19. Этот эффект «отдергивания руки» связан с особым местом чумы в ряду прочих трансмиссивных заболеваний. Для натуральной оспы, сыпного тифа, холеры или «испанки» характерна достаточно высокая выживаемость (и в худших сценариях выживают не менее двух третей заболевших). Чума ужасает прежде всего своей летальностью. В 9 случаях из 10 заражение *Yersinia Pestis* означало смертный приговор, исполнявшийся в 3–4 дня. Сделать ничего было нельзя, оставались лишь заботы по утилизации тел и попытки облегчить муки умирающих. Поэтому перед чумой меркли все ужасы голода и войны. В нагнетании мистического ужаса сходились все, вплоть до страшной одежды средневековых эпидемиологов и огромных клювов чумных врачей с закладками розмарина и ладана. Вышедшая в 541 г. из Египта, юстинианова чума выкосила от 25 до 50 миллионов – почти четверть населения Земли в ту пору. Чуть менее тысячелетия спустя «черная смерть» уничтожила от одной до двух третей всех жителей Европы. «Зараза опустошала целые страны, ставила на колени королей и князей церкви, превращала цветущие города в обители теней. До сих пор значительная часть западной культуры отражает генетический страх от пережитой пандемии» [Йесод web].

Кажется, что нам далеко до этих поистине египетских казней даже в плохих прогнозах с так называемым солитоном – подобной цунами большой одинокой волной и рядом всплесков как минимум до середины или конца 2022 года, когда будет достигнут популяционный иммунитет в 55%. Однако общая реакция на происходящее более сложна и включает самые разные настроения.

Пир во время...

Отношение к смерти из преимущественно онтологического становится более личностным. «Смерть, насколько она “есть”, по существу всегда моя» [Хайдеггер 2003, 274]. Было бы странно, если бы современный человек относился, например, к детской смертности так, как это было пару веков назад. Разница в статистике сглаживается

возросшей ценой индивидуальной жизни, хотя и сейчас, как сказал М.М. Сперанский Г.С. Батенькову: «На погосте живучи, всех не оплачешь» [Лотман web].

Но есть и базисная ирония постмодерна, уже ненавязчиво научившая людей ко всему относиться с дистанцией, без лишнего фанатизма. И это не удел только юродствующих постмодернистов или глубоких философов уровня Ричарда Рорти. Кроме того, культура алармизма – от Римского клуба до Греты Тунберг – выработала в думающем человечестве известный иммунитет к предсказаниям взрывного или вялотекущего конца света. Сейчас трудно представить себе нечто настолько ужасное, что оказалось бы не под силу новейшей науке и технологиям, всей мощи хорошо организованных и упакованных ресурсами государств. Из этой иллюзии не выводит даже подозрение, что SARS-CoV-2 сможет мутировать, ставя под удар саму биологию вида. Логика бифуркаций и рисков с неприемлемым ущербом требует принимать такого рода сценарии как рабочие при любой сколь угодно малой их вероятности. Но не помогает даже напоминание о том, что и в столь катастрофический обвал цен на нефть, а тем более в отрицательные фьючерсы, до недавнего времени тоже никто не верил. Как выразился один из ведущих нефтетрейдеров, «но это была метафора, я не думал, что это когда-то случится» [Кравченко, Титов 2020], хотя уже более 10 лет настойчиво предлагаются и другие прогнозы обрушения сырьевой модели, основанной на экспорте нефти: «В ряде случаев выход “в ноль” возможен уже в 2012–2013 гг.» [Рубцов, Богословский 2008, 2].

Драматичным снижением темы отличаются социальные сети. В их отношении к смертельной напасти многое может показаться фамиллярным и легкомысленным. Даже когда распространение инфекции и похорон пошло в стране по экспоненте, поток шуток, острот и карикатур практически не сократился. Наоборот, со временем в нем все более просматривались признаки нервной смешливости, иногда близкой к экзальтации.

Карнавал смерти в разных культурах понимается как форма вытеснения inferнального ужаса. По Михаилу Бахтину, «карнавал – это вторая жизнь народа» [Бахтин 1965, 57], «временный выход за пределы обычного строя жизни» [История религии 2002, 75]. Однако формы иронии, снижения, сарказма и т.п., вплоть до скабрезного издевательства, часто связаны с вызовом и ответом не столько самой смерти, сколько связанной с нею политике – со всей недостоверностью и противоречивостью официальных заявлений, невнятицей инструкций и пафосным пустословием. Новые ритуалы будто сжигают условный макет всей этой деятельности официоза, как в свое время сжигали чучело страшной болезни – с той же верой и с тем же результатом. В новом тысячелетии сетевая магия тоже изживает заразу, но другую...

Весь этот карнавал заканчивается, как только умирает кто-то из родных и близких – или хотя бы просто из знакомых виртуально, в одно-два касания. Коллективный политический памфлет (как новая профанация «Божественной комедии») тут же возвращается к реальной человеческой трагедии; карикатурность в поведении власти отделяется от адских реалий жизни и смерти. Присутствие вируса начинаешь воспринимать почти телесно, будто на кончиках пальцев. Границы паранойи в этом смысле очень подвижны. Со временем совсем иначе начинаешь реагировать на физические соприкосновения и сближения...

И тут же сам возвращаешься к душеспасительным играм иронии и сарказма. Некомпетентность и злоупотребления представителей власти будто приглашают выместить на себе общее неприятие ужасов происходящего. Есть абстрактная потребность что-то кому-то «предъявить», но в секулярном мире в таких случаях предъявить больше нечего и, главное, некому.

Тем более активными становятся пересечения политики с новейшими технологиями. Это хорошо видно в моде увязывать фантазии цифрового тоталитаризма в духе всеобщей чипизации от Билла Гейтса с Паноптиконом – идеальной тюрьмой, спроектированной Иеремией Бенетом еще в 1787 г. В основу этой великолепной архитектуры заложена циркулярная оптика, позволяющая одновременно и из единого центра

наблюдать происходящее во всех камерах. Вопреки живучим представлениям эта модель касалась самых разных категорий граждан и связанных с надзором заведений любого типа: пенитенциарных учреждений, тюрем, промышленных предприятий, рабочих домов, домов призрения, лазаретов, фабрик, больниц, домов сумасшедших, а также школ с соответствующим планом управления. Известно также, сколь сильные обобщения строил на этой, казалось бы, сугубо пространственной планировке Мишель Фуко.

Однако нынешний кризис по-своему выворачивает эту оптику в сфере информации и знания. Современный человек – и как тип, и как индивид – сам оказывается в положении стражника Паноптикона, из центральной точки наблюдения обозревающего развитие пандемии в мире – тоже одновременно и в полном объеме. Глобальная сборка данных хотя бы на уровне теленовостей дает принципиально другое видение трагедии, основанное на мгновенном охвате самой разнообразной информации. Можно представить себе, что случилось бы со средневековым человеком, имей он возможность, как сейчас, консолидировать все данные о распространении «черной смерти», зримо и живо представляя картину вымирания в разных уголках мира. Человек Средневековья мог подозревать, что весь род человеческий вымирает так же, как и его округа; он мог даже иметь на этот счет некоторые отрывочные сведения, например, от беженцев. Однако чтобы нечто подобное по-настоящему понять, это надо пережить, а значит, увидеть. Поэтому так важны «образы пустоты» в прошлом и в современности, в искусстве и в зримых реалиях. Современная оптическая техника позволяет иначе оценить масштабы поражения устоявшейся действительности, причем не только в человеческих потерях, то есть не только прямой убылью личного состава планеты.

Уроки пустоты

В 1970-е, в эпоху «бумажной архитектуры», был объявлен международный конкурс на предельно широкую свободную тему: «Музей». В Московском ордена Трудового красного знамени архитектурном институте спроектировали огромную и совершенно примитивную, «никакую» деревянную конюшню, в денниках которой стояли лошади выдающихся конных памятников (Коллеони, Гатамелата, Петр I, Александр III и т.п.)... но без всадников. Жюри оценило остроту идеи и «этику зоозащитника». Сейчас мы имеем нечто подобное – до боли знакомые и любимые пространства великих городов Старого и Нового света... но без людей.

Образы пустоты как смерти, которые мы сейчас наблюдаем в самой жизни, – все это зачем-то уже было в искусстве. В циклопических пространствах урбанистического кошмара Людвиг Гильберсеймера одинокие пары расставлены в шахматном порядке на дистанциях, расчерченных, как перед кассами гипермаркета. Архитектурные натюрморты Джорджо де Кирико («Меланхолия») в гомеопатических дозах допускают лишь тени людей (или памятников), и эта живопись неслучайно называется «метафизической», то есть потусторонней. Такие резкие цвето-тональные контрасты возможны, только если вовсе удалить воздушную перспективу, вместе с самим воздухом. То же в жутковато пустых пейзажах Дали. При всей личной антипатии к мастеру сюрра, нельзя не признать, что этот эффект у него приумножен, хотя и литературно, сюжетом, с возможностью пересказать. Циферблаты («Постоянство памяти», «Мягкие часы») постепенно лишаются цифр и стрелок («Расплавленные часы», «Мягкие часы в момент взрыва»). Апофеоз подобного сценария в кино – «Земляничная поляна» Ингмара Бергмана: вымершая улица, часы без стрелок и катафалк без возницы, с лязгом врезающийся в фонарный столб.

Все эти изящные подробности понадобились здесь не для красоты, а для более точной спецификации направления. Надо понимать эту разницу, когда пишут либо архитектуру, либо саму пустоту (как главного героя изображения). В живописи, архитектурной графике и планировочных фантазиях прошлого хватает видов чистой архитек-

туры (без людей), однако здесь важны именно строения, а не нагруженный эмоцией и смыслом «метафизический» вакуум. Если у Пиранези, Гонзаго или Чернихова это проект большой вещи, изделия, то у того же де Кирико это предчувствие опустошения, которое сегодня мы наблюдаем в обычных видах из окна и в кадрах будто вымерших столиц мира. В классике увражей людей нет за ненадобностью – в «метафизическом искусстве» люди именно исключены, то есть присутствуют своим вопиющим отсутствием.

Такое изъятие не самое трагическое – это не Хатынь, Герника, Дрезден или блокадный Ленинград, хотя и напоминает «утро нейтронной казни». Это и не чума с неотвратимой смертью (люди большей частью не умерли, а просто попрятались). Однако таких видов в мировом масштабе не припомнит и сама история. В чумную эпоху картины опустошения зрительно и ментально не были собраны и имели другой экзистенциальный смысл. Чтобы подозревать присутствие такого смысла сейчас, необязательно верить в высшие силы и телеологию. Но зачем-то нам эти картины были показаны, причем ценой жизни уже более двух сотен тысяч ни в чем не повинных статистов.

Эта новая пустота означает сейчас не столько остановку жизнедеятельности конкретных людей, сколько остановку огромного множества интегрированных процессов в жизни социальной, деловой, культурной, политической. Коронавирус убивает или вводит в кому многое из того, чего во время «черной смерти» и до недавнего времени вообще не было. И еще неясно, как именно и насколько по-разному мы будем из этой паузы выходить, что так и исчезнет, а что сохранится «в ковчеге». Имея в виду глубину и охват нынешней комы, приходится допускать возможность изменений почти цивилизационного уровня. При этом все та же дифференциальная диагностика заставляет думать, что для разных фрагментов глобальной цивилизации (или для разных цивилизаций) эти изменения тоже окажутся весьма разными, если не противоположно направленными.

На руинах «нефтедобывающей цивилизации»

Из философии «Третьего Рима» и особенно из речи Ф.М. Достоевского о всечеловечности А.С. Пушкина выросла идейная традиция, так и не освободившаяся от интонаций заздравного тоста при открытии памятника. Но коллапс сырьевой модели все более акцентирует вызов цивилизации на источниках существования. Сейчас эта проза жизни более реалистична и полезна для психического здоровья нации, чем спасение целого мира нашей всемирной отзывчивостью.

Видеть в этом грани и переходы единой цивилизации мешает эклектизм самого этого понятия – его редкостная полисемия и множественность трактовок. Достаточно столкновения линий диахронии и синхронии. Если в Античности и Просвещении цивилизация понималась как движение от дикости и варварства, то с начала XX в. более популярной становится схема сосуществования «локальных цивилизаций», хотя и подверженных витальным циклам рождения и смерти. Постмодерн утрирует этот взгляд критикой прогрессизма с идеей смены цивилизации времени цивилизацией пространства [Harvey 1989; Soja 1989]. Однако разные темпоритмы и масштабы порождают на этих осях сумбурное множество представлений – от микрокультур до отождествления цивилизации с человечеством в контексте «антропного принципа» Вселенной.

В этом сумбуре Питирим Сорокин считал главной ошибкой смешение культурных систем с социальными группами. Но проблемно и само допущение возможности единственно правильного подхода к трактовке концепта. Не исключено, что это смешение и есть единая форма, подобная ризоме Делёза и предполагающая самые разные срезы: синхронические и диахронические, продольные и поперечные, режущие пополам или отсекающие малые части. Эти срезы могут делаться аналитиками и самой историей. В этом смысле Россия есть не просто одна цивилизация, хотя бы

и «самостоятельная», но сросток цивилизационных проектов и конструкций, проявляющихся в мерцательном режиме в зависимости от взгляда, момента и освещения. Так, в российской цивилизационной идентичности под разными углами можно высмотреть:

- традицию условной или вовсе пародийной идеократии с миссионерской, нарциссической акцентуацией;
- свежий гибрид идейно-политического постмодернизма с Модерном, одновременно и недостроенным в отношении гуманизма, личности, свободы и права, и гипертрофированным неизжитым надприродным проектно-преобразовательным пафосом;
- традицию сырьевой модели и социума, использующего как возобновляемый ресурс буквально все, включая население, и превращающего в отрасли низкого передела даже научно-образовательную сферу (экспорт мозгов и знаний без шансов на адекватную утилизацию в стране).

В последнее время все это было утрировано фантастическими ценами на углеводороды. Сырьевое проклятье усугубилось проклятием институциональным. Идеократия получила мощное ресурсное и «духовное» обеспечение (уникальные дары природы как свидетельство избранности и миссии) с переходом этнонарциссизма в стадию, близкую к клинической. Театр и симуляции политического постмодернизма также получили гарантированное обеспечение, причем не только на содержание политтехнологий, но и с минимумом социальных гарантий. Если это и экономический детерминизм, то он идет не от метода, а от самого предмета.

Неизбежный коллапс сырьевой модели всегда связывали с новыми носителями и технологиями, экологией и энергосбережением, в «лучшем» случае с торговыми войнами и глобальной политикой. Сценарии рисовались плавными, а обвал как риск с неприемлемым ущербом если и учитывался, то скорее риторически. Коронакризис взломал ситуацию, за полгода сделав то, на что еще только нацеливались наука и геостратегия. Большая пауза опустила нефтяные фьючерсы ниже нуля, однако политический нарциссизм и сам, независимо от эпидемии, обрушил цены на нефть конфликтом с ОПЕК+.

Вероятность того, что падение окажется в целом необратимым, резко отлична от нуля. Резко сужается подпитка отвлекающей политики, «воздушно-капельной» пропаганды и возможности «заливать деньгами». На фоне физически ощутимого бедствия успехи гиперзвуковых ВКС и отечественной дипломатии отходят на задний план; локус контроля меняется с внешнего на внутренний. Пандемия вообще разворачивает к самодостаточной реальности, поэтому наибольшим испытаниям подвергаются режимы извлечения природной ренты и массивированной вентиляции мозгов.

В этом контексте особый смысл приобретает концепт «нефтедобывающей цивилизации» или «цивилизации нефти» [Рубцов 2019]. Это отдельный, но не уникальный «срез ризомы». Именно в этом смысле говорят о «цивилизации риса», и сейчас объемлющей более половины населения Земли. В жаркой густонаселенной Азии рис – это основа питания, но и характера, самой идентичности. Возделывание этой культуры возделывает и саму культуру сплоченности, взаимопомощи и трудолюбия (то самое, что мы приписываем себе как следствие сурового климата и разреженного пространства).

Продолжение темы – «цивилизация маиса». Изотопные исследования останков майя связывают загадочное исчезновение целой мезоамериканской культуры в VIII и IX вв. с проблемами монокультуры и засухи [Collins 2019]. Не исключено, что именно с «высыханием» источника сырьевой ренты будущие историки свяжут исчезновение цивилизации Третьего Рима постуглеводородной эпохи.

Такие вероятности подводят к проблематике «политической эсхатологии» (подобно тому, как «политическая теология» Карла Шмитта видит в терминах политологии сакрализованные теологические понятия). Оперативная политология склонна рассматривать режимы как условно бессмертные, даже когда более актуальными становятся проблемы фазовых переходов умирания и нового рождения, а происходящее напоминает вялотекущий конец света в формате локального апокалипсиса.

Вместе с тем, двойственно и само понятие апокалипсиса. Для нас конец света – это синоним абсолютной трагедии, но в первый миллениум христианская община покрывает Европу «белым кружевом церкви» и молится на апокалипсис как на избавление и искупление с трансмутацией в лучший мир. Семантическая множественность апокалипсисов сравнима с полисемией цивилизации: у разных евангелистов, в истории (на Руси их было семь), в разных культурах и габаритах, включая полноценные личные апокалипсисы. Осталось понять смысл назначенного искупления и «технику» его исполнения.

Эпидемии чумы обращали к ценности человека и его жизни, подрывали авторитет духовной власти (идеократии), устанавливали новые требования легитимности и эффективности к власти светской, активизировали мобильность, меняли географию и демографию труда... Все это и многое другое сейчас обнаруживается буквально взглядом из окна. Но ситуация, как и тогда противоречива. Страшный мор гальванизировал варварство и архаику, но и подталкивал к выходу в Новое время. Биокатаклизм способствует ужесточению политики, но не исключено, что и сейчас он готовит исход из страдающего постмодерна в уже назревшее «Сверхновое время».

Источники – Primary Sources in Russian and Russian Translations

Бахтин 1965 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965 (Bakhtin, Mikhail M., *Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance*, in Russian).

Даниэл web – *Даниэл М.* Тайные тропы носителей смерти. URL:<https://avidreaders.ru/download/taynye-tropy-nositeley-smerti.html?f=fb2> (Daniel, Milan, *Tajne Stezky Smrtonosu*, Russian Translation).

Демоз 2000 – *Демоз Л.* Психохистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000 (DeMause, Lloyd, *Foundations of Psychohistory*, Russian Translation).

История религии 2002 – История религии. В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 2002 (Yablokov, Igor N., ed., *History of Religion*. In 2 volumes, Vol. 1, in Russian).

Лотман web – *Лотман Ю.М.* Из воспоминаний Юрия Лотмана об окончании Великой Отечественной войны [Избранное, 15.05.2019] // <http://www.izbrannoe.com/news/mysli/iz-vospominaniy-yuriya-lotmana-ob-okonchaniy-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (Lotman, Yuri M., *From Yuri Lotman's Memoirs about the End of World War II*, in Russian)

Хайдеггер 2003 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003 (Heidegger, Martin, *Sein und Zeit*, Russian Translation).

Harvey, David (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry Into The Origins of Cultural Change*, Blackwell, Oxford, Cambridge.

Soja, Edward W. (1989) *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*, Verso, London, New York.

Ссылки – References in Russian

Исход web – *Исход А.* Четвертый мор. Чума убила сотни миллионов людей – может ли она вернуться? URL: <https://360tv.ru/news/tekst/chetvertyj-mor-chuma-ubila-sotnimillionov-ljudej-mozhet-li-ona-vernutsja/>

Коронавирус 2020 web – Каким будет мир после коронавируса // КРМГ. 20.04.2020. URL: https://mustread.kpmg.ru/articles/kakim-budet-mir-posle-koronavirusa/?utm_campaign=newspaper_12_5_2020&utm_medium=email&utm_source=vedomosti

Коронакризис 2020 – Коронакризис – 2020: что будет и что делать? Сценарии развития и меры экономической политики. М.: Либеральная миссия, 2020.

Кравченко, Титов 2020 – *Кравченко Е., Титов С.* «Такого никогда не было»: что означает отрицательная цена на американскую нефть // Forbes. 21.04.2020.

Рубцов, Богословский 2008 – *Рубцов А., Богословский С.* Мегапроект. О формате и контурах стратегии национального развития. М.: Социум, 2008.

Рубцов 2019 – *Рубцов А.В.* Нефтедобывающая цивилизация. Система понятий и масштабы бедствия // Неприкосновенный запас. № 4. С. 148–164.

Рубцов 2020 – *Рубцов А.В.* Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного «Я» в политике и власти. М.: Прогресс-Традиция, 2020.

References

- Collins, Tim (2019) "Did the Mayans go extinct because of CORN?", *Mailonline*, 4 July.
- Coronacrisis – 2020: *What Will Happen and What to do? Development Scenario and Economic Policy* (2020), Liberal'naya Missiya, Moscow (in Russian).
- Coronavirus (2020) "What the world will be like after coronavirus?", *KPMG*, April 20 (2020). Available at: https://mustread.kpmg.ru/articles/kakim-budet-mir-posle-koronavirusa/?utm_campaign=newspaper_12_5_2020&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (in Russian).
- Kravchenko, Ekaterina, Titov, Sergei (2020) "This Has Never Happened: What Does the Negative Price of U.S. Oil Mean", *Forbes*, April 21 (2020) (in Russian).
- Roberts, Siobhan (2020) "This Is the Future of the Pandemic", *The New York Times*, May 8 (2020).
- Rubtsov, Alexander V. (2020) *Narcissus in Armor. Psychoideology of "Grandiose Self" in Politics and Power*, Progress-Traditsiya, Moscow (in Russian).
- Rubtsov, Alexander V. (2019) "Oil-producing Civilization. The System of Concepts and the Scale of the Disaster", *Neprikosnovennyi Zapas*, Vol. 4 (2019), pp. 148–164 (in Russian).
- Rubtsov, Alexander, Bogoslovskii, Sergey (2008) *On the Format and Contours of the National Development Strategy*, Sotsium, Moscow (in Russian).
- Yesod, Alexey (2019) The Fourth Pestilence. The Plague Has Killed Hundreds of Millions of People – Can It Return? <https://360tv.ru/news/tekst/chetvertyj-mor-chuma-ubila-sotni-millionov-ljudej-mozhet-li-ona-vernutsja/>

Сведения об авторе

РУБЦОВ Александр Вадимович – кандидат философских наук, руководитель сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН.

Author's Information

RUBTSOV, Alexander V. – CSc in Philosophy, Head of the Department of the Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.